

Елена Тимохина

Деревенский иммунитет
сборник рассказов

Елена Тимохина

Деревенский иммунитет

«Автор»

2026

Тимохина Е. Е.

Деревенский иммунитет / Е. Е. Тимохина — «Автор», 2026

Деревня — это место, где ничего не случается, но происходит всё. Здесь люди не живут — они существуют в сплетении судеб, заборов, слухов и варенья из чужих яблок. Сюжетная линия нелинейна: сборник строится на коротких эпизодах, которые перекликаются между собой, создавая объёмную картину. Каждый рассказ — законченное высказывание, но все вместе они собираются в единую мозаику, где важны все детали. Здесь участковый Красенков расследует преступления, которых на самом деле нет, а дед Иван на лавочке у дома объясняет устройство мира через сено и коров. Здесь блогер Дима, приехавший из Москвы в наследство, пытается найти правду в грядках с чесноком, а находит коршуна, который утащил его лучшего гусёнка. Где проходит грань между правдой и вымыслом? Между тем, что мы говорим, и тем, что мы чувствуем на самом деле? Между тем, как мы выглядим, и тем, кем мы на самом деле являемся? Сборник-откровение. В нём нет вымысла. Только правда. И тишина после неё

© Тимохина Е. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек-молния	5
Бум недвижимости	15
Как два следователя книги писали	23
Источник и молния	28
Новую Зеландию окидывая взором	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Тимохина

Деревенский иммунитет

Человек-молния

Про «чудаков» и их необъяснимые поступки.

С деревенского праздника Сергей Дурков явился в широкополой шляпе, которую купил неизвестно зачем. В дом он зашел без спроса, так чисто и аккуратно проникал, что и не поймешь как: вроде все окна закрыты и двери притворены, а вон он, стоит у изголовья кровати, говорит:

- Чего спишь, Толик?
- Вроде темно уже.
- Еще и десяти нет, вставай.

Прилипчивый малый, последнее время прохода не давал, чтобы показал ему рыбное место. Анатолий Иванович его терпеть не мог, но волей-неволей приходилось вставать:

- Что, хорошо погулял? – спросил он.
- О!

Сергей приложил руку к шляпе, как бы кланяясь. Получилось без уважения, шутовски. Он не был шерифом, никогда не видел Техаса и вообще не путешествовал за рубежом. За плечами имелось четыре курса института имени Дружбы народов, откуда он ушел в армию, а оттуда – на ремонт квартир, с которым вроде бы справлялся, хотя и с переменным успехом. Сложности логистики убедили его, что жизнь – жестокая штука, но сам он был парнем мирным и причислял к деревенским жителям. Таких людей, прибившихся к деревне по разной причине, она приняла в свои объятия.

Эту шляпу Сергей надел на рыбалку. В ней он выглядел то ли шерифом, то ли бандитом из старых фильмов. Поля у нее были такие, что тень на плечи ложилась, но из чего ее сделали, он и сам не мог сказать. То ли из коры, то ли из замши, а может, из какой-то новой синтетики, которая выглядела натуральной. Такие шляпы продавали на день города в окрестных городках на одних прилавках вместе с воздушными шарами и сахарной ватой.

Сергей и сам не мог сказать, зачем её купил. В последние лет десять он действовал бессознательно, просто фиксировал всё происходящее – людей, разговоры, облака, машины – и примеривал на себя. И вот такая необычная деталь имела эффект. Шляпа что-то в нём перерощивала. Он чувствовал себя то ли ковбоем, то ли сыщиком, и соседские мальчишки смотрели на него с открытыми ртами. Бабы на лавке провожали взглядом. А он шёл по жизни с высоко поднятой головой.

Даже собираясь на рыбалку, он не упускал случая принарядиться. Ярко-зелёные кроссовки попались ему на акции в спортивном, цвет такой, что в траве видно за километр. На них – белые шнурки, завязанные двойным бантом. Шорты – клетчатые, короткие, оголяли колени. На плече – рюкзак, старенький, с заштопанной лямкой. И на голове – эта шляпа. Словно не на рыбалку он собрался, а на дискотеку или на съёмки вестерна.

Насчет Анатолия Ивановича у него сложился план, он рассчитывал, что старик покажет рыбное место, которое ему показал Садок Иванович, но Анатолий не оправдал его ожиданий.

- Садок у моста рыбачит, а я так далеко не захожу, – ответил старик.
- Ладно. Пойдем к мосту, – сказал Дурков.

В тон молодому и старик А подтянулся. Увидел Сергея в шляпе, крикнул, покрутил головой – и достал почти новый спортивный костюм Адидас, который вот уже как тридцать лет хранился на верхней полке. Тёмно-синий, с белыми полосками по бокам, ещё советского пошива,

но качественный. Он его надел два раза: первый – в день покупки, второй – когда расчищал виноградник в Абхазии. Тогда он его и испортил: зацепился за сучок, порвал штанину, на локте посадил пятно от смолы. Добро бы за деньги костюмчик угробил, так нет, за литр домашнего вина. Хозяин виноградника был щедрый, на вино не поскупился, но вино оказалось кислым, молодым. А костюм с тех пор лежал в шкафу, ждал своего часа. И вот дождался.

Анатолий Иванович примерил его у зеркала, застегнул молнию на олимпийке. Штаны на нём сидели мешковато – за десять лет он похудел, а вот живот округлился. Кроссовки – старые, но чистые, на них он тоже белые полосы зачем-то нарисовал маркером. Вышел на крыльцо – и застыл. Ветер шевелил седые волосы. Он посмотрел на Сергея, на его шляпу, на его зелёные кроссовки – и усмехнулся.

– Ну, – сказал он. – Теперь мы как два индейца, только без томагавков.

Сергей хмыкнул, поправил поля шляпы.

– А что, Иванович, – сказал он. – Главное – рыба. Остальное – антураж.

А с Анатолием Ивановичем и внука Никитку отправили. Это был худой подросток, перегнавший ростом деда, с вечно растрепанными волосами. На нём – старые джинсы, футболка с черепашками-ниндзя – уже выцветшая, но любимая. В руке удочка.

То ли парня за стариком приставила, чтобы приглядывать, то ли старика за парнем – непонятно. Мать сказала: «Пойдешь с дедом, чтобы не баловал». Деду сказал: «Присмотри, чтоб не утонул». Вот и весь наказ. Никитка только вздохнул, сунул в карман телефон и пошёл.

На Сергея он поглядывал с любопытством. Шляпа его завораживала. Потом всё же не выдержал:

– А зачем тебе эта шляпа?

Сергей повернул голову, посмотрел на него сверху вниз – шляпа действительно делала его выше.

– Для защиты, – сказал он серьёзно.

– От чего?

– От солнца, – Сергей улыбнулся. – И от комаров. Слышишь, как они летят? А шляпа – она их сбивает. Они о поля ударяются и падают.

Никитка засмеялся. Он не поверил, но ему понравилось. Он стал идти чуть ближе к Сергею, чтобы тоже оказаться под защитой.

Солнца жаркого не предвиделось, потому что они шли удить рыбу на ночь. Было у Сергея заветное место где-то на Волге – проток, заросший камышом, где, по слухам, водилась крупная плотва и даже судак. Сколько он туда ходил, но все время терял дорогу. Тропинки менялись, кусты разрастались, овраги оползали. И теперь он снова вёл их куда-то – уверенно, но не совсем.

Летом ночи светлые, хоть до утра гуляй. Солнце садилось медленно, небо переливалось от жёлтого к розовому, потом становилось белым. Комары вились столбами, но Сергей шёл, не обращая внимания – видно, шляпа помогала.

Сначала они брели по колее через луга, ровные, с высокой травой по пояс, в ней прятались перепела – взлетали с шумом, как будто их подбрасывали вверх. Сергей шёл впереди, Никитка за ним, Иванович замыкал – пыхтел, ругался, когда штанина цеплялась за репейник. Потом начались буераки, глубокие балки, с крутыми склонами, поросшие полынью и чертополохом. Внизу – сухие ручьи, по дну можно идти, если не бояться змей. Луга –

– Ну и место ты выбрал, – бормотал Иванович. – Через буерак в овраг... Где рыба-то?

– Будет, – отвечал Сергей, не оборачиваясь. – Всё будет.

Потом забрались в порядочную глушь. Там дорога кончалась и вдоль берега шла узкая тропа, только одному пройти. И остановились они не потому, что нашли нужное место, а потому что Сергей заметил солитера.

Рыба бултыхалась в метрах двадцати от берега – небольшой, граммов на сто, подлещик. Солитерных рыб сразу отличишь, они в воду уйти не могут и плавают на поверхности. Видно, тут стадо гоняли, и коровы на водопой ходили. Через коров солитером и рыба и заразилась.

Никитка зашел в воду, смотрел на подлещика с любопытством.

– А как его ловить? – спросил.

– Сейчас поймает, – сказал Сергей.

Снял с себя шляпу, шорты и кроссовки, зашел в воду по пояс. С этого берега Волга неглубокая. Через полчаса у него в руках трепыхался солитер, чешуя у него рыхлая, бледная. У самого Сергея руки по локоть в иле. Пошел еще раз в воду отмываться. Потом оделся. Шляпа сбилась набок, поля испачканы. Кроссовки – зелёные, когда-то яркие – теперь серые, в глине. Шорты – мокрые, с пятнами.

Никитка смотрел на него с уважением и ужасом одновременно.

– А рыбу есть можно? – поинтересовался.

– Можно, – сказал Сергей. – Но не эту.

Анатолий Иванович достал термос, налил чай. Попили, съели бутерброды. Можно дальше идти.

– Ну, и где рыба? – не унимался Никитка.

– Нам бы только место найти, – сказал Сергей. – Хорошее место, рыбное.

И двинулись дальше, по тем же буеракам. Где овраг, где гребень, где кустарник прямо к воде подступает – только по воде и обойти. Никитка шёл в середине, за ним Анатолий Иванович, а Сергей – впереди. Шляпа его скрывала лицо, но он улыбался. Он добыл рыбу. Спросят, как рыбалка, он ответит: «Одни подлещики».

Старик пыхтел, переступал через коряги. Его новый спортивный костюм уже испачкался, но он уже его не жалел.

– Ну и рыбалка, – бормотал он. – Ни рыбы, ни отдыха. Один солитер. И того руками поймали.

Никитка шёл и думал: «А может, это и есть главное? Не рыба, а вот это – буераки, ночь, Волга, солитер...»

– Дед, – спросил Никитка тихо. – А зачем мы вообще пошли?

Старик остановился, посмотрел на внука.

– А ты разве не понял? Это рыбалка. Потом вспоминать будешь. Другим расскажешь.

Наконец, показалась дорога. Не асфальт, конечно, грунтовка, но ровная, накатанная, по ней уже можно было ехать, а не продираться сквозь кусты. А на дороге – «Нива», белая, а в ней компания весёлая: из окон торчат руки, слышен смех, музыка – что-то заливчатское, русское, с переборами аккордеона.

Сергей остановился. Он кого-то узнал в той машине – прищурился, потом шагнул вперёд, махнул рукой. Шляпа сбилась на затылок. Его тоже признали. Из приоткрытого окна высунулась голова – девушка в бейсболке.

– Сергей! Ты-то откуда? – крикнул он, заглушая мотор.

– С рыбалки! – крикнул Сергей в ответ, подходя ближе. – Одни подлещики.

Они перекинулись парой фраз. Девушка засмеялась, ей ответил другой женский голос, звонкий, как колокольчик. Сергей обернулся к Иванычу и Никитке – они стояли поодаль, с любопытством наблюдали.

– Настя! – кричит Сергей. Из горла его бурлит и булькает, он раскинул руки, как будто хочет обнять весь мир. – Настя!

Женщина в ответ – заливается смехом. Слышно, как она что-то говорит, но слов не разобрать – только звон, только радость.

Сергей подошёл к ним, чуть наклонился – шляпа опять скрыла лицо, но голос был серьёзный, даже деловой:

– Идите, дорогу вы знаете, а я тут задержусь. Дела у меня. – Он помедлил, протянул старику пакет с солитером. – А рыбу моей кошке отдайте. Положишь во дворе, у сарая.

– Ладно, – сказал Иваныч, пряча солитер к термосу. – Передам.

Сергей кивнул, развернулся и пошёл к машине. Широко, вразвалочку, шляпа колыхалась на ходу. И уже его рокочущий басок в разговор весёлый вплетается. Из машины несется женское щебетанье. Голоса переливаются, как ручьи.

И тут Сергей открывает дверь машины и вытягивает девушку к себе, обвивает ее за талию одной рукой. Другой придерживает шляпу, чтобы не слетела. Она упирается ладонями ему в грудь, но не сильно, скорее для вида, и смеётся. И потом он находит губами её губы. На мгновение. Всего на мгновение. А она – не отталкивает.

Из машины доносится свист, хохот. Он отпускает её, поправляет шляпу и улыбается, как ребёнок, который получил то, что хотел.

Они садятся в машину, и «Нива» трогается, а двое – старик и ребенок – остались на дороге. А потом машина исчезла – дорога вильнула, и всё.

Никитка смотрит с открытым ртом. Анатолий Иваныч вздыхает.

Дальше они идут дальше уже вдвоём. Старик впереди, парнишка за ним.

Никитка не выдерживает.

– Дед, а чего это было? – спрашивает он. – Он же её... ну, поцеловал. А она что?

Иваныч идёт молча. Штанина его нового спортивного костюма уже изодрана о репейник, кроссовки стёрты. Он перекладывает сумку с кошачьим ужином из одной руки в другую. Долго молчит. Потом останавливается. Вытирает пот со лба.

– Это наша соседка тетя Настя, мама Павлика и Андрюши, – говорит он. – И вторая, которая в машине, – тоже Настя. У них дом на обрыве. Помнишь, мальчик черным флагом к нам на праздник приходил. Это ее сын, а как звать не знаю. Никитка молчит. Он пытается понять. Ему пятнадцать, он ещё не знает, как такое бывает. Или знает, но не до конца. Что рыбалка – не про улов.

– И как это? – спрашивает он.

– А вот так, – говорит Иваныч. – Как в песне поётся: «А у нас во дворе, а у нас во дворе...» – он машет рукой. – У него – две. А у кого-то – ни одной. Или одна, да не та. Пойдем, а то ты в одной майке замерзнешь.

Он тяжело вздыхает, отворачивается и бредёт дальше.

Дорога петляет между буераками, на горизонте уже виден посёлок, дым из труб, свет в окнах.

Никитка плёлся сзади, когда Иваныч остановился. Оглянулся на внука, потом – на лес, куда ушла дорога.

– Ну почему одним всё, – говорит он тихо, вроде как сам себе, но Никитка слышит. – А другим – ничего.

Он смотрит на свёрток в руках. Разворачивает его – солитер для кошки. Сергей – он даже о кошке своей не забыл, когда бегал обнимать Настю.

– Почему – одним всё, – повторяет Иваныч. – Одним – шляпы, ковбои, Насти, рыбалка, солитер, и даже кошка сыта. А другим – ничего. – Он качает головой, прячет мясо обратно. – Вот я, например. Вкалывал на винограднике в Абхазии. Вино кислое, костюм испортил, жена ругала. И ничего. Ни Насти, ни шляпы. Один костюм – и тот на рыбалке испортил.

Он замолкает. Смотрит на небо. Там звёзды, и тонкий месяц-серп. А светло, словно днем.

– Ты чего, дед? – спрашивает Никитка.

Иваныч поворачивается. Смотрит на него. Долго. Потом улыбается – невесело, но без злобы.

– А я, Никита, сейчас понял одну вещь. – Он присел на корточки прямо на тропе. – Сергей – он этот мир не выбирает. Он его просто берёт. Как шляпу. Идёт, берёт, носит, если

надо – целует, если надо – солитёра камнем бьёт. А я всю жизнь выбирал: не лезь, не трогай, не бери. Вдруг не то. Никитка молчит.

– А он не боится, – говорит Иваныч. – Берёт, и всё. Даже если две Насти, даже если солитер. Берёт.

Он поднимается, отряхивает руки.

– И понимаешь, Никита... Я ведь ему завидую. Потому что у него – есть. А у меня – даже не было. И когда-то я тоже так мог, наверное, но не посмел.

Он делает шаг, потом останавливается, поднимает палец, как будто вспомнил самое важное:

– Знаешь, что он мне сказал, когда я его спросил про шляпу? «Действую бессознательно», – говорит. «Фиксирую всё происходящее и примеряю на себя». Вот, – Иваныч усмехается. – А я всю жизнь сначала примеряю – и потом решаю, что не подходит. А он – сразу. Примеряет на ходу. И получается.

Никитка стоит, смотрит на деда. В руках него – свёрток с рыбой, на плече – удочка, на штанах – новая дыра, а в глазах – тоска. Не горькая даже, а светлая. Как у человека, который многое понял, но уже не может ничего изменить. Или может, но не знает, с чего начать.

Они идут дальше. Молча. Иваныч несёт рыбу для кошки. Никитка – удочки. И оба думают об одном: о том, как много можно взять, если просто не бояться брать. И как мало остаётся, когда всю жизнь выбираешь.

Иваныч шёл впереди, Никитка за ним. Удочки на плечах. Тишина. Только трава шуршит под ногами да где-то вдалеке – лай собаки.

Может два километра идти, а может и все пять. В темноте все места незнакомые, не разберёшь. Дорога петляла, то поднималась на гребень, то спускалась в низину, где туман уже стелился над травой, белый, густой, как парное молоко.

– Устал, дед? – спросил Никитка, когда Иваныч остановился перевести дух.

– Не то чтобы устал, – ответил тот, вытирая лоб рукавом спортивного костюма. – Но ноги уже не те. Слушаются через раз.

Долго ли, коротко ли – а спустились они к берегу. Пляжик с пяточок, с песочком и мелкой галькой. Прямо у ног вода плещется – тихо, ласково, как будто приглашает присесть, отдохнуть. Никита держит в руке булку, и в воде месяц отражением дрожит, расплывается, словно маслице.

На песочке – чурбачки. Кто-то из рыбаков пристроил их, чтобы сидеть было удобно. Видно, часто здесь останавливаются порыбачат или просто отдохнуть. На одном даже надпись ножом вырезана – «Коля», и дата, уже стёртая, не разобрать.

Никитка, не дожидаясь деда, шмыгнул к реке – скинул кеды, закатал джинсы до колен и зашлёпал по воде. Ледяная, но приятная – от неё по телу бежали мурашки. Он нагнулся, чтобы ракушки пособирать – их в то лето много выбрасывало после дождей. Белые, с перламутровым отливом, они лежали на песчаном дне, блестели при свете луны. Он набрал уже пять штук – и пошёл дальше, шаря рукой по дну.

Анатолий Иваныч тем временем опустил на чурбачок. Снял удочку с плеча, прислонил к дереву. Достал термос, налил чаю в металлическую кружку, отхлебнул. Месяц освещал его лицо, изрезанное морщинами, – уставшее, но спокойное.

– Никита, недалеко заходи, еще утопнешь, – крикнул он. – Время позднее, пора и честь знать.

Но Никитка его уже не слушал. Он что-то шарил в воде – пальцы скользили по дну, по холодным камням, по илу. И вдруг наткнулся на что-то большое, твёрдое и живое. Он отдёргнул руку, но через секунду снова протянул – осторожно, как будто гладил незнакомого зверя.

– Деда! – крикнул он, не оборачиваясь, в голосе – восторг и удивление. – Деда, иди сюда! Тут глаза, и морда большая. Он мордой дышит!

Иваныч поднял голову. В темноте не видно, но слышно, как Никитка шлёпает по воде, возится, что-то бормочет. А потом – крик:

– Деда, он ест! Я ему булку даю! Глянь, он рот открывает!

Иваныч отставил кружку, кряхтя поднялся с чурбачка. Прихватил фонарик, осветил в воду. Никитка стоял по колено в воде, нагнувшись, протягивал к чему-то в воде руку.

– Иди сюда, – позвал он деда голосом, в котором звенела настоящая радость, от которой у самого деда сердце ёкнуло. – Ты глянь!

Анатолий Иваныч подошёл, осветил вниз. И обомлел.

Вода у самого берега была прозрачная, несмотря на ночь, и в свете фонарика он увидел – вот оно, чудо. Лежит у самого края, почти у ног Никитки, большой, тёмный, с широкой плоской головой. Сом. Настоящий. Кило на шесть, не меньше. Лежит на песчаном дне, почти не двигается, только усы шевелятся – длинные, как веревки, и глаза смотрят вверх.

И Никитка, кормит его, будто ручного зверя, отщипывает крошки от своей булки, а сом медленно открывает рот – широкий, тёмный – и заглатывает крошку. Потом снова замирает, ждёт, пока дадут новую крошку.

– Деда, – шепчет Никитка, боясь спугнуть, – он же ручной!

Анатолий Иваныч стоит рядом, смотрит. Свет фонаря дрожит, и в этом свете сом, как существо из другого мира, которое вылезло из глубины, чтобы взять у мальчика хлеб.

– Ты не трогай его, – говорит он негромко, чтобы не спугнуть. – Не трогай. Просто смотри.

Никитка замирает. Сом лежит, почти не двигается. Волнение воды – совсем слабое, так что и не разобрать, дышит рыба или просто стоит на месте.

Анатолий Иваныч присел на корточки, прямо в воду, и смотрел, как сом широко раскрывает рот и втягивает воду, пропускает её через жабры. Он дышит. Вроде бы и вздыхает.

– Вот это да, – говорит Никитка восхищённо, почти беззвучно, чтобы не спугнуть. – Он настоящий. Я думал, сомы только в книжках. Чудо-юдо рыба кит. А он тут. И крошки ест.

Сом снова принимает крошку, и Никитка, торжествуя, тихо смеётся.

Иваныч выпрямляется. Хрустят колени. Он отворачивается, поднимает кружку с остывшим чаем, залпом допивает. Потом наклоняется к внуку:

– Покормил сомика, пора и честь знать. Нас дома ждут. Время позднее, а ещё гора впереди. И дед твой старый.

Никитка смотрит на него с удивлением и лёгкой обидой, но Анатолий Иваныч качает головой:

– Не хочешь, оставайся. А я – в гору. Мне завтра ещё кошку корить.

Никитка улыбается, но руку из воды не вынимает. Сом по-прежнему лежит у его ног, чуть шевелит усами и ждёт ещё одну крошку.

– Деда, а он меня не укусит? Он же такой большой.

– Не укусит, – уверенно отвечает Иваныч. – У него морда, как у старого пенсионера. Видно, привык, что его кормят. Но пора уже.

Никитка медленно вынимает руку из воды. Сом чуть колыхнул хвостом – и замер. В свете фонаря на долю секунды – два блестящих глаза, усы, большая тёмная голова. И он уходит – медленно, плавно, не нарушая тишины, просто исчезает в глубине.

Никитка выходит на берег, отряхивает ноги, снимает мокрые джинсы, выжимает их. И улыбается.

– Ушёл, – говорит он. – В коряги, наверное. Теперь затаится.

Анатолий Иваныч смотрит на реку и – не знает, кому говорит, себе или внуку – говорит:

– Ему-то никуда идти не надо. Он уже дома.

Они стоят на берегу. Свет фонарика высвечивает песок, чурбачки, следы Никиткиной обуви и удочки, прислонённые к дереву. Ночной ветерок шевелит листву.

Чудная у них рыбалка, думает старик. Вроде бы и поймали рыбу – ну, не поймали, а нашли, встретили. И прикормили. И руки не пустые, на душе легко.

– Дед, – говорит Никитка, уже надевая кеды, – а он настоящий? Ты же видел?

– Видел, – говорит Иваныч. – Здешний житель. Больше, чем мы с тобой. Потому что он не уходит из своего дома. А мы только наездами.

Никитка, уже серьёзный, смотрит, на деда:

– Значит, нам тоже надо где-то жить так, чтобы никуда не уходить?

Иваныч хлопает его по плечу:

– Учись, Никита, учись. Вот мы с тобой уже начали. С этой ночи.

Он забирает фонарь, закидывает удочку на плечо. И они идут – неспешно, не торопясь, по склону, вверх, к дому, где их ждут, – и вдруг понимают, что несут в себе больше, чем пойманную рыбу. Они несут ту самую светлую тяжесть – когда человек, даже если ничего не поймал, уходит с реки не с пустыми руками, а с душой, которая наполнилась до краёв.

И впереди – медленно, но твёрдо – идёт дед в спортивном костюме, а следом – мальчишка, который впервые в жизни кормил сома, и этот сом был настоящим. И он – тоже настоящий.

– Деда, – говорит Никитка уже у самого дома, на пороге, когда ветер стих и стало слышно, как дышит ночь. – А Сергею расскажем? Тому, который человек-молния?

Иваныч задумывается.

– Обязательно, – говорит он. – Пусть знает. Челмон должен знать, что мир не только из молний. Бывают ещё и сомы, которые ждут и дышат.

Никитка улыбается и проходит в дом, уже в темноту, и дверь за ним закрывается.

А за окном – только чёрная гладь реки, в которой тонет месяц, и где-то в глубине лежит старый сом. Он открывает пасть, глотает воду, дышит – и ждёт утра. И может быть, нового мальчишку, который придёт по песку.

Они шли уже почти у самого посёлка. Дорога стала шире, по обочинам – старые тополя, высокие, с чёрными дуплами, в которых прятались летучие мыши. Уже было слышно, как лают собаки, где-то залаяла машина, и из открытой форточки пахло жареной рыбой. Дом был близко.

Никитка шёл сзади, и всё думал, как он обо всем расскажет бабушке. Про Сергея, про кошку, про солitera. Про то, как дед сказал: «Он не выбирает, он берёт». И про двух Насть в машине.

– Дед, – сказал Никитка, когда Иваныч уже отпирал замок на калитке. – А почему ты называешь его Челмоном?

– Так это ты его первым назвал Человек-молния.

Ключ зашел в замок, повернулся, и язычок щёлкнул, убрался в гнездо. Калитка открылась, на заборе сидела кошка в ожидании ночной добычи. Анатолий Иваныч усмехнулся в усы, поправил воротник испорченной олимпийки, которая была вся в репейнике и пыли, словно он в бурьяне неделю спал.

Покликал кошку:

– Кис-кис-кис. Иди сюда, красавица. Сергей тебе гостинец прислал.

Он присел на корточки, кошка, серая, пушистая, с белой грудкой, спрыгнула со своего насеста и побежала к нему, мяукая. Иваныч положил перед ней солitera, погладил её, она ткнулась носом в его ладонь, и он улыбнулся, но невесело. Кошка понюхала рыбу, повертела головой. И – не стала есть. Посмотрела на Иваныча с укоризной: «Ну и что ты мне принёс? Это ж не свежее». И, гордо подняв хвост, ушла обратно в ночь – охотиться дальше.

Иваныч постоял с рыбой в руке, посмотрел на кошку, потом на рыбу, потом на небо.

– Вот так, – сказал он сам себе. – Сергей просил – я передал. А она – не взяла. Ну и ладно.

Никитка стоял рядом, смотрел на кошку, ждал. Анатолий Иванович поднялся, отряхнул колени, которые не могли еще больше испачкаться, и посмотрел на внука прямо:

– Ты заметил, Никита, как он живёт? – старик зажёл в сарае лампочку, она замигала, жёлтым светом залила старые доски и инструменты. Он сел на перевернутый ящик, а Никитка стоял, облокотившись на дверной косяк. Старик задумался на мгновение, а потом продолжил:

– Никто не знает, что он сделает в следующую минуту. Он и сам не знает. Он просто сделал. Как молния – ударила, и всё.

Никитка задумался, прислонившись плечом к косяку, вглядываясь в лицо деда:

– А почему «Челмон»?

– А так короче, – сказал Анатолий Иванович. – Чел-мон. Человек-молния. Ему надо, чтобы всё – и сразу. Вот Челмон – это и есть всё и сразу.

Никитка тихонько повторил про себя: «Челмон... Челмон...». Слово звучало звонко, оно щёлкало, как выключатель, и сразу включало свет. И в голове всплыл тот момент на дороге – быстрота, легкость, и как Сергей вмиг изменился, превратившись из обычного «Сергея» во что-то большее. Так, будто вокруг него включался новый свет.

– Он, и сам не знает, что он – Челмон, – сказал Иванович. – Он просто живёт. А люди видят – и называют. Кто как. Я назвал Челмоном. Кто-то – дураком. Кто-то – счастливчиком. А он – молния. Ударил, озарил – и летит дальше.

Он вздохнул, как-то по-стариковски, выдохнул весь воздух, потом достал из кармана мятый платок и вытер лицо, хотя пот уже высох.

– А мы все, Никита, – продолжал он, – мы – как тучки небесные. Вечные странники. Долго собираемся, громыаем, а ударить – боимся. Всё примеряем: а вдруг не так? а вдруг не туда? а вдруг не с той? А он – не примеряет. Он – сразу.

Никитка молчал, переваривал слова деда, а потом робко спросил:

– А ты бы хотел быть таким?

Иванич долго молчал. Потом встал с ящика, подошёл к внуку, положил ему руку на плечо, сжал несильно, но крепко.

– Хотел бы, Никита. Хотел бы. Но я уже старый для молний. У меня вон, – он усмехнулся, показывая на своё испорченное колено, – костюм новый, а он уже порванный. У меня силы не те, чтобы скакать, как блоха.

За разговором до дома и дошли. Уже светать начинало – небо на востоке серело, звёзды гасли, и петухи перекликались где-то вдалеке. Анатолий Иванович и Никитка вошли в посёлок, когда окна в их доме зажглись жёлтым светом – это их ждали.

– Ах ты, негодник, – закричала на них Вера Павловна, бабушка Никитки. – И сам изгвоздился, и мальчонку утопил.

А тем временем Сергей – Челмон, как теперь его называли за глаза, – увязался за девушками провожать до дома. Обе Настя оказались девицами разбитными и весёлыми. В машине включили на полную громкость стереосистему, передавали что-то залихватское. Музыка гремела, люди ругались, Сергей сидел на заднем сиденье между двумя Настями, шляпа его съехала на глаза, и он казался себе ковбоем из старого фильма, который наконец добрался до салуна.

Завалились они в какую-то деревню – а в темноте и не разобравшись, куда. Тут деревень наткано, как на руке пальцев, – одна к одной, перепутанные просёлками, оврагами и лесополосами. Как пойдёшь за грибами, неизвестно, куда тебя уведёт. То ли домой, то ли в соседнюю деревню, а то и вовсе на конец района. Местные, конечно, знают, но если ты не местный – пеший, да ещё ночью, да ещё с двумя Настями и громкой музыкой, то запросто можно уехать не туда.

Так что и попали они невесть куда. Машина то петляла по просёлкам, то упиралась в тупик, то выезжала к реке, то снова ныряла в лес. Настя пытались узнать дорогу, стучали в окна, поднимали с постели спящих граждан. Те ругались, и они ехали дальше, искать дом.

И когда они домой попали, одному богу известно. Может, к утру, а может, и к полудню. Ночи летом белые – и всё видно, как днём. Только на небе вместо солнца луна висит – вот и вся разница. А если луна полная, то считай, отличия и вовсе нет. Дороги светлые, поля серебряные, лес – как на ладони. Вот люди и гуляют. И ничего в этом странного нет.

А потом в деревнях вспоминали: кто там ночью колобродил? Вроде бы гуляки были в шляпе ковбоев. Да только тут полрайона носили такие шляпы. На день города их продавали лоточники вместе с воздушными шарами, теперь вся округа ходила в широкополых шляпах. Так что заезжай в любую деревню – увидишь салун на Диком Западе. Мужики в шляпах сидят на лавках, семечки лузгают, обсуждают, у кого урожай, у кого корова отелилась. Бабы тоже носят – на огороде, чтобы солнце не напекло. Дети – в школу. Одна шляпа на всех, считай. Так что опознать Челмона в этой толпе было невозможно. Разве что по зелёным кроссовкам – но их он, говорят, к утру сменил, потому что те развалились.

Челмон часто в деревне мелькал. Кто-то видел его на окраине, кто-то – у магазина, кто-то – с приехжими. И вот однажды, уже под вечер, когда солнце клонилось к закату, а тени легли поперёк улицы, Челмон снова появился у Анатолия Иваныча. Ехал он в машине и притормозил у знакомого дома, погудел сигналом.

– Куда ты? – спрашивает старик.

– В город по делам. К субботе вернусь. Может, снова на рыбалку? Нет?

Сергей махнул рукой и уехал. Только пыль столбом.

Анатолий Иваныч посмотрел вслед. Их отношения, и без того прохладные, стремительно портились. Не то чтобы ссора – так, натянутость. Потому что Сергей стал слишком быстрым, слишком лёгким, слишком – Челмоном. А Иваныч – слишком медленным, слишком тяжёлым, словно облако.

Никитка, который вертелся рядом, заметил это. Спросил:

– Дед, вы поссорились?

– Нет, – сказал Иваныч. – Мы просто перестали понимать друг друга. Он – вперёд, я – назад. Он – молния, я – грозная туча. Бывает.

Никитка не понял, но кивнул.

А Никитка ещё долго бегал на берег Волги. Почти каждое утро, пока не началась школа. Искал то самое место, где они с дедом кормили сома. Шёл по берегу – вверх, вниз, – приглядывался, припоминал: вот здесь мы стояли, вот здесь светил фонарик, вот здесь я отщипывал булку.

Но вот что интересно: ни пляжика с жёлтым песочком с серым гравием, ни чурбачков он так и не нашёл. Всё было не так. То берег высокий, обрывистый, то низкий, но грязный, в тине. То песок серый, а не жёлтый, как в ту ночь. Нет того места, как будто и не бывало.

И сом – тот самый, с усами и большой головой – как сквозь землю провалился. И никто из местных его не видел. Соседский дядька, старый рыбак, говорил, что такие сомы если на Волге водятся, то на Асафовых островах, но чтоб вот так – у берега, из рук хлеб ел – это редкость.

Люди просвещённые сказали бы, что это метафора. Что Никитка заснул на рыбалке и ему привиделся и сом, и чурбачки, и жёлтый песок.

Но Никитка верил в необычайные способности природы и по молодости своей тонко улавливал краски, запахи и звуки. Он полагал в любом необычном случае доказательство чуда, которое просила детская душа. Он точно знал: сом был. Были и чурбачки, и песок, и тот светлый миг, когда он, маленький мальчишка, стоял по колено в воде и держал в руке булку, а большой уса́тый великан брал её из его ладони.

И даже когда он вырастет, он будет помнить этот тёплый, светлый миг и знать, что чудеса случаются.

– Никита, – сказал как-то вечером Анатолий Иванович, когда они сидели на лавке и смотрели на закат. – А ты не расстраивайся, что сом не нашёл. Просто не хочет, чтобы его находили. Он же дома. Ему никуда не надо.

Никитка кивнул. Смотрел на реку – она уже темнела, отражала небо и солнце, которые уходило спать. Вода переливалась, в ней видно было что-то живое, таинственное.

А за спиной у него – закат догорал, и на небе зажглась первая звезда. Та самая, которую он видел в ту ночь, когда стоял на берегу и кормил сома.

И он знал, что эта звезда – его. И сом – его. И всё это – его. Хотя бы на один вечер.

Бум недвижимости

Об абсурдности и бессознательности некоторых человеческий поступков. О том, как вдруг, ни с того ни с сего, жители деревни решают стать инвесторами. Один купил дом, другой – коша, а третий – коша в мешке. Понимать надо, что деньги и ум – не всегда ходят рядом.

Когда в деревне случился бум недвижимости, никто не знал, что его вызвало. Так после дождя появляются грибы – вроде вчера ещё не было, а сегодня уже всё поле в круглых шляпках. В администрации подсчитали пустующие дома, которые стояли заколоченные, с покосившимися крышами, с крапивою по пояс, с окнами, забитыми фанерой. Никому не нужные, ничьи – а теперь вдруг стали нужны.

Из Чебоксар прибыли братья Приваловы, это они после бабки в наследство дом получили, решили переехать. Из Нижнего Новгорода люди подтянулись, ну и свои кинешемские стали дачи покупать. Случилось это так, будто волна поднялась неизвестно откуда и накрыла всех. Когда в стране в одночасье пропал бензин – просто перестали подвозить, и всё. Заправки закрылись, машины встали, люди замерли на дорогах. И в тот самый момент, когда мир застыл и стало тихо, граждане задумались о смысле жизни. Может, потому что в тишине и можно услышать свои мысли. А в мыслях – тревога. А в тревоге – желание уцепиться за что-то осязаемое, твёрдое, деревянное. За то, что не уедет, не кончится, не исчезнет вместе с бензином.

Мысли об этом приходят в критические периоды. Вроде человек живёт себе – и в ус не дуёт. Всегда есть чем заняться: рыбалка, грибы, да огород никто не отменял. А тут – бац! – и он уже не просто живёт, а задумывается: а что у меня есть, кроме удочек и грибок?

Началось с обычного дела. Вся деревня знала Кольку, сын пчеловода. Жил он в километре от деревни, у родителей на хуторе. Место хорошее: речка рядом, лес, поля. А главное – пасека. Сто двадцать ульев, пчелы жужжат, работают, мёд собирают. Колька с детства при отце, помогал, перенял дело. С утра до вечера в защитной сетке, с дымарем, с рамками. Пчелы его знали, не жалили почти. Никуда он со своей пасеки не вылезал. Зачем? Он привык. Девушек знакомых у него не было – и не потому, что он какой-то неправильный, просто где ж их взять, если вокруг пчелы да лес? Да и не до того.

А тут Лидия Ивановна Смирнова, старая такая особа и весьма словоохотливая, вечно везде нос сующая, подошла к нему на рынке, где он мёдом торговал, и говорит:

– Коль, а ты чего себе дом не купишь? У нас в деревне как раз дом подходящий имеется, и до твоего хутора недалеко.

И дальше дом стала нахваливать.

Колька слушал бабу, крутил в руках банку с мёдом, улыбался, но не перебивал. Когда она договорила, он ответил:

– А на кой мне дом? У меня пасека. Там дел невпроворот.

– Эх, Колька, Колька, – покачала головой баба. – Надо о будущем думать. Вот женишься – будет, где жить. Не к родителям невесту вести. Кому охота с пчелами жить? Да и родители – они люди пожилые, им покой нужен.

Колька почесал затылок, задумался. Не потому, что ему нужен был дом, а потому, что все вокруг на него надели, будто сговорились. И когда он вечером сидел на крыльце хутора, смотрел на закат и слушал пчёл, он вдруг поймал себя на мысли: «А может, люди правы?».

Родители – они люди серьёзные. Мать – учительница на пенсии, отец – пчеловод из династии, знаменитый на район. Им почти семьдесят. Спина у отца болит, колени у матери – в непогоду крутит. Они, может, и рады бы пожить одни, без сына.

А тут ещё настойчивая Лидия Ивановна стала ему расписывать выгоду: «Дом пятьсот тысяч стоит, а через год – миллион, потому что бензин пропал, все в деревню едут, спрос растёт. Купи, не пожалеешь. Не понадобится, через год продашь – с деньгами будешь».

Колька слушал, кивал, но в голове у него была только одна мысль: «Что же я с пасекой делать буду, если у меня дом где-то там, в деревне?»

Решение пришло не сразу. Оно созревало где-то внутри, как мёд в сотах – медленно, но верно. Колька даже не понял, когда именно он решил. Может, когда проходил мимо пустующего дома на окраине, и вдруг увидел, как выглядывает из-за угла куст сирени. Старый, но ещё живой. Может, и правда подумать о своём угле.

И Колька подумал. Наутро он уже стоял у того самого пустующего дома. Дом как дом: два окна на улицу, крыша чуть просела, крыльцо скрипит, но сруб – добротный, ещё до войны ставили. За ним – огород, запущенный, заросший лебедой. Но земля – хорошая, чернозём.

– Ну что, – говорит Лидия Ивановна, до чего настырная бабка, – берёшь?

Колька посмотрел на сирень. Она уже почти отцвела. Потом на небо, где плыли облака. Потом на свои руки – мозолистые, в прополисе, в пчелиных укусах.

– Беру, – сказал он. – А что делать?

И подписал бумаги. Дом – его.

Неделю Дом стоял пустой, так и месяц прошёл. Колька всё не переезжал. Он заглядывал время от времени посмотреть, не развалился ли, не обокрали ли. Подмёл крыльцо, вставил стекло, которое выбило веткой, – и уезжал обратно на пасеку. Там пчёлы, там работа, там отец с матерью.

А в деревне уже шептались:

– Купил Колька дом. Молодец. Женится, видно, скоро.

– Да какая женитьба? Он же с пчёлами живёт. Кто за него пойдёт?

– А дом для того и купил – чтобы было, где невесту привести.

– Дом-то – дом, а где невеста?

Колька слышал эти разговоры, но не обижался. И хотя он не мог объяснить, зачем купил этот дом, он знал одно: это было правильно. Как-то по-особенному правильно. Как будто что-то в мире стало на место. Не всё – но хоть что-то. Он просто сидел на крыльце нового дома, когда приезжал, смотрел на закат и думал. Думал о том, что дом – он, в общем-то, хороший. Только пустой. И жить в нём одному – тоскливо.

А потом он шёл на пасеку, к пчёлам. Пчёлы жужжали, работали, им было всё равно – есть у Кольки дом или нет. Они делали своё дело – собирали цветочную пыльцу, строили соты, наполняли их мёдом. А Колька смотрел на них и думал: «Вот у них – есть дом. И работа. И смысл. А у меня – только дом. И больше ничего».

И с того случая в деревне пошло-поехало. Сначала один дом купили, потом второй, потом все захотели купить дома, даже те, у кого и денег нет. Пустующие, брошенные, с дырявыми крышами, с заросшими огородами – всё пошло в продажу. Люди из города приезжали, деньги предлагали, торговались, и цены поползли вверх.

Деревенские, глядя на это, тоже засуетились. Кто-то имел, что продать, кто купить, кто перепродать. Вроде бы и делами занялись, но, как водится, не всё ладно получалось. Глаза горят, руки чешутся, а голова – она не всегда на месте.

Деревенский старожил Садок Иванович посмеивался:

– Ох уж эти люди, чисто дети в песочнице. Увидели, что у соседа дом купили – и сразу побежали себе искать. А что в доме – не смотрят. Главное – успеть. Главное – не опоздать.

А потом бы добавил:

– И вот результат: купили, обрадовались, а потом смотрят – и понимают, что вляпались.

Вот Челмон, например, – сущий остолоп, купил дом без документов. Просто по рукам ударили, заплатили деньги и передали бумаги. Челмон гоголем ходит. Он теперь хозяин, хотя все знают, что деньги он у тестя занял.

А вот другой случай – того хуже. Купили дом вроде бы каменный. Красивый, крепкий, с виду. Переехали, начали обживать. И тут видят: от фундамента к крыше ползет трещина. Широкая, глубокая, через весь фасад. Одно слово, что дом каменный, а сам вот-вот развалится.

– Это как же так? – спросил новый хозяин у старого.

– А ты не смотри на трещину, – ответил старый. – Ты смотри на камень. Камень – он крепкий, он век стоит. А трещина – это мелочь. Замажешь стену глиной, и будет дальше стоять.

– Но она же через весь дом!

– Ну, – сказал продавец, – замажешь – и пройдет. Мы и сами собирались замазать, да руки не дошли.

Новый хозяин замазал. Но через месяц трещина снова пошла. Пришлось звать строителей, отдавать ещё деньги. А строители сказали, что фундамент дал осадку, и, если его не укрепить, дом рухнет.

– Вот так, – сказал Садок Иванович, когда услышал эту историю. – Купили кота в мешке. Дом каменный, трещину не заметили. Одно слово – остолопы.

Вечером, на лавке, мужики были особенно взволнованы, чемпионат по футболу закончился, и они обсуждали бум.

– Слышали, Евгений Николаевич дом купил? – спросил один.

– Слышали. Трещина в нём, от фундамента до крыши.

– А он говорит, что замажет.

– Замажет, – усмехнулся другой. – Как же. Трещина такая, что пальцы засовывать можно. Замажет – и пойдёт дальше. Пока не упадёт.

– А про Челмона слышали? Купил дом без документов.

– Ну, и дурак.

– Дурак, – согласились все. – Но не один такой. Многие так делают.

А иные вообще ставят дом на песке.

– Зачем нам фундамент. Он денег стоит. Ленточный? Нет. не слышали. Какая обвязка? У нас и на песке постоит. – Глаза горят, а голова не работает.

Садок Иванович слушал и покачивал головой.

– Ох уж эти дурни деревенские, – сказал бы он. – На словах – умные, а как до дела – так и пропадают. Бревна у дома с трещиной, никакой герметик не поможет. Дождь все вымоет.

– Так мы фасад пластиковыми панелями обошьем, – возражают ему. – И от дождей, и для красоты. А вместо чердака второй этаж поставим.

– Да как же вы обошьете, если бревна у вас с трещиной! И какой второй этаж. Если дом не на фундаменте стоит, а на честном слове. Вот люди! Документы не проверят, трещину не увидят, на слово поверят. А потом маются. Переделывают, переплачивают, ищут виноватых. А виноватых-то нет. Только они сами, что не посмотрели, что не разобрались.

Одни – покупают, другие – продают. И никто толком не знает, что делает.

Анатолий Иваныч, когда услышал про Колькину покупку, только покачал головой.

– А на кой ему недвижимость? Он же с пчёлами живёт. Он – пчеловод. Ему не дом нужен, ему улы.

Внук Никитка, который сидел рядом и слушал, спросил:

– А зачем он тогда купил?

Дед долго молчал, крутил в руках чашку с чаем. Потом сказал:

– А потому, Никита, что, когда бензин пропадает, до людей. наконец, доходит, что не всё можно на себе увезти. А дом – он стоит, за него можно зацепиться. И вот они хватаются. Потому что, когда нечего терять, страшно.

– А у Кольки есть что терять? – спросил Никитка.

Анатолий Иваныч посмотрел на внука, поставил чашку на стол.

– У Кольки есть дом. Сейчас он просто бумажка, но он, может, когда-нибудь станет настоящим, если Колька туда кого-то приведёт.

– А если не приведёт?

– Тогда он просто останется домом. Пустым постоит. Иногда нужно просто постоять и подождать.

Никитка задумался. Потом кивнул.

– Понял, – сказал он. – Как с рыбами. Они тоже ждут, когда мы их поймаем.

– Вот именно, – сказал Анатолий Иваныч. – Ждут. И ты жди.

На улице окном уже смеркалось, и пчёлы на хуторе у Кольки затихали, собираясь в ульи. Они тоже стояли на своём месте.

Да только незаметно стронулось что-то. Непонятно, откуда взялось – то ли из-за разговоров соседских, то ли просто парень сам сообразил. А может, дом, который он купил, требовал не только крыши, но и какой-то новой жизни. И Колька нашёл выход.

В июне он устроился торговать сладкой ватой на главной площади. Не потому, что денег не хватало – мёд давал прокорм, но и лишний доход не помешает. Работа была хорошая, хотя и сезонная. Душе хотелось чего-то такого – лёгкого, цветного, воздушного. Вот и устроился сладкую вату продавать.

Первые дни он путался, сахар пережигал, комья получались, а не облака. Но парень он был упёртый и через неделю уже мог закрутить такую вату, что хоть на выставку отправляй. А к августу стал большим искусником в своём ремесле. Пальцы у него, привыкшие к рамкам и дымарю, теперь порхали над аппаратом, как крылья. Он крутил палочку, ловил сахарные нити, вращал – и рождалось облако. Белое, невесомое, сладкое.

И народ потянулся. Сначала дети, потом взрослые. Колька стоял за своим аппаратом, улыбался, кивал, сворачивал вату, и она у него получалась разная – пушистая, плотная, с искрами, с завитками.

Вот, к примеру, идёт парень с девушкой. Рука об руку, смотрят друг на друга, улыбаются. Колька уже заметил их издали – как-то особенно они шли, воздушно, словно по облакам. Он взял палочку, засыпал сахар, быстро провернул – и сворачивает им медовую вату. Не простую, а золотистую, будто с мёдом – хотя он всего лишь добавил каплю ароматизатора. Облако получилась большое, пушистое. И когда он протянул её парню, та изнутри вся светилась – солнечные блики проходили сквозь сахарные нити, и казалось, внутри горит маленькое солнце.

Так они и пошли рядышком, тот парень и его девушка, отрывая пальцами сладкие кусочки, ели, смеялись, и у обоих были счастливые лица. Колька смотрел им вслед, улыбался и думал: «Вот бы и мне так».

А вот парнишке малому, который подбежал с монеткой в кулаке, Колька свил голубой ком величиной с дом. Двумя руками держать приходилось, чтобы ветер не сдул. Мальчишка взял, глаза шире неба, прижал к себе, пошёл осторожно, будто нёс планету. И Колька смотрел ему вслед и улыбался.

А когда девица подходила, особенно молодая, Колька скручивал ей чудо, а не угощение: белый шар с розовым сердечком внутри. Сердечко получалось из сахарных нитей, скрученных с красным красителем, аккуратно вплетённых в центр. И преподносил этот шар, словно букет, с лёгким поклоном, точь-в-точь настоящий кавалер.

Девушки ахали, брали, улыбались. Колька был доволен. И люди замечали: парень хороший, добрый, заботливый. И странно, что не женат.

А тут – трах-тарарах! – сладилось. С такими талантами, как у него, недолго холостым ходить. И вот, приезжает с ним раз в деревню девушка. Аккуратная такая, с собранными в хвост волосами, в светлой блузке, с улыбкой вежливой. Кассиршей в «Пятёрочке» работала. Звать Лена.

Соседи зыркали из-за штор, потом выходили на улицу «по делу», а сами приглядывались. И сразу видно: намерения у неё серьёзные. Не так, чтобы «походить-погулять», а так, чтобы «зайти-остаться». Вроде как не совсем невеста, но определенно движется в эту сторону. А такое движение, если честно, очень перестраивает мотивацию. Можно сказать, трансформирует мозг.

У Лены самой отродясь не бывало своего дома – жила в съёмной квартире, платила хозяину, переезжала раз в два месяца. Так что, когда Колька показал ей дом (дырявая крыша, окна кривые, крапива под окнами), она не испугалась. Она увидела не дыры, а возможности. И запустила всякие планы по обустройству. Сразу.

– Здесь будет кухня, – сказала она, обходя комнаты. – А здесь спальня. А здесь мы поставим диван, и будем чай пить. И крышу мы перекроем – я знаю одного мастера, он хорошо сделает и лишнего не возьмет. А окна мы закажем пластиковые, я уже цены смотрела. И обязательно – веранду, чтобы летом сидеть. И огород разобьём, а то у тебя одна крапива.

Колька стоял, слушал и улыбался. Ему нравилось, как она говорит: уверенно, точно, как будто всё уже решено. И ему вдруг стало легко. Даже дырявая крыша перестала быть проблемой.

Пока суть да дело, Лена разболтала в магазине сначала кассиршам, потом продавцам, потом – директору. «Мы с Колькой дом купили, будем ремонт делать, вы не поверите, какое место! Там и сад, и огород, и Волга рядом». Ещё и людям из очереди рассказала. Вроде как с подружками поделилась, а только в подружках у неё весь город. И пошло-поехало.

Через неделю уже полрайона знало, что у Кольки – дом и невеста. Через месяц – что они крышу перекрывают. Через два – что к зиме переедут.

А Колька стоял в своей новой, почти достроенной кухне, смотрел на Лену, которая нарезала салат, и думал: «А ведь правда – сладилось. Сам не понял как».

Анатолий Иванович, когда узнал про Лену, усмехнулся и сказал Никитке:

– Вот видишь, Никита. Человек купил пустой дом с дырявой крышей, начал делать сладкую вату – и к нему пришла девушка. И теперь дом уже не пустой. И крыша не дырявая. И всё потому, что он что-то делал. Не ждал. Не думал. Делал.

Никитка задумался.

– Значит, если делать, то всё будет?

– Не всё, – поправил его Иванович. – Но что-то точно выйдет. Главное – не стоять на месте. Даже если ты стоишь с аппаратом для сладкой ваты. Или с удочкой. Или с дырявым домом. Главное – чтобы руки были заняты. Тогда и мысли приходят правильные.

Он помолчал. Посмотрел в окно, где вечернее солнце подсвечивало верхушки сосен. Лето проходило, а ведь только-только майские отгуляли.

– Вот Колька, – сказал старик. – Он пчёл не бросил и дом купил. И вату делает. И Лену нашёл.

Никитка кивнул. Он начинал понимать, что жизнь – она как сладкая вата. Если крутить медленно, она распадается. А если быстро и уверенно – получается облако с сердечком внутри.

К концу лета дом Кольки уже не был дырявым. Крышу перекрыли, окна вставили, крыльцо поправили. Лена каждый день приезжала, командовала, разгружала машины, ругалась со строителями – и дом оживал. А Колька по вечерам крутил свою вату, но не на площади, а во дворе – для соседских детей. И они бегали к нему, как к деду Морозу.

А Лена, довольная, сидела на новом крыльце и говорила:

– Вот, Коля. Теперь у нас всё есть. И дом, и сад, и даже собаку можно завести.

Колька кивал. Он не знал, что сказать. Он просто держал её за руку и смотрел на закат.

И тот самый аппарат для сладкой ваты стоял в углу. Чистый, вымытый, готовый к работе. И Колька думал: «А ведь если бы я не купил тот дом, я бы никогда не начал делать вату. И не встретил бы Лену. А так всё правильно».

А бум недвижимости не утихал. Вот ведь люди неумные. Бензина на заправках нет, а они все равно едут. Как будто Нижегородскую плотину прорвало. Не местные, не знакомые – откуда-то из города, из областей, из дальних районов. И все – вежливые, с прилизанными волосами, будто инженеры или крупные учёные. В очках, с блокнотами, с планшетами, с рулетками через плечо. Ходят по улицам, заглядывают в калитки, щурятся на крыши.

Здороваются чинно:

– Здрасьте! Есть ли у вас в наличии?

А сельские – народ не гордый, но с достоинством. В любезности не уступают:

– Здрасьте. Показать вам что-нибудь?

А те в ответ:

– Можно найти что-нибудь такого плана? – и руками показывают – то ли размер, то ли форму, то ли количество окон.

Им в ответ:

– Можно! У нас такого плана много есть! – и машут рукой в сторону улицы, где домов наткано – на любой вкус.

Потом прощаются:

– Всего хорошего вам!

И уже по новой:

– Здрасьте!

Значит, новый покупатель приехал. И так – с утра до вечера. Машины – на въезде, на выезде, в переулках. Люди – с рулетками, с фотоаппаратами, с детьми, которые бегают по чужим огородам. Такой бум, словно зараз вся Россия приехала и деревню купить захотела.

Привлечённые слухами о буме в деревню съезжаются владельцы участков и домов, даже те, кто не вспоминал про родительскую землю двадцать лет, теперь – на тебе! – объявились. И сами деревенские засуетились, хотя им-то что продавать? Дом с огородом и самим нужен. А вот наследники брошенных домов приезжают. Важные. На иномарках, в пиджаках, с папками. А их уже поджидают покупатели – тоже вежливые. И начинается:

– Не продаете ли дом?

– Отчего не продать, если цену дадут.

– А какова цена?

– Два миллиона.

– А что у вас за дом? Мы посмотреть хотим.

Идут смотреть, а там домик рассыпается, а на участке один бурьян растёт. Забор упал, калитка висит на одной петле, в трубе – гнездо вороны, и та уже улетела. Крапива – по пояс, чертополох – метра два. А среди них розовые гвоздички цветут. Всё, что от сада осталось.

И вот она, наследница, смотрит на этот бурьян, на гвоздички, на трубу – и что-то в ней переворачивается. И так ей родительской земли стало жалко, что она сама решила строиться. «Здесь будет двухэтажный коттедж, – говорит она сельчанам, разводя руками. – С террасой, с мангалом, с садом. А в саду – вишни, яблони, сливы. Всё как при родителях».

Покупатели уезжают. Мастера приезжают. Ставят сетку-рабицу. А дом так и стоит – покосившийся, с дырявой крышей, в бурьяне. А в бурьяне – розовые цветут. Ничто им не сделается.

Рынок на подъеме, спрос растёт и цены пошли вверх. За развалюху – миллионы. За дом, где крыша провалилась, а пол сгнил – два. За участок с колодезём без воды. За сад, где одни пни. И народ – покупает! Торгуется, правда, но покупает.

А вот и гордость деревни – двухэтажный домик с резными наличниками и скворечником, который отображён на Яндекс.Картах. Маленький, аккуратный, с дивными узорами. Балкон – кривой, но держится. Скворечник – пустой, но есть. На картах – есть. Стены – в трещинах, крыша – дырявая, внутри – грибок и сырость. Но – балкон и скворечник. И фото на Яндекс.Картах.

– Это же историческое наследие! – говорит продавец, показывая на карту.

– Это же развалина! – говорит покупатель, показывая на дом.

– Но на картах есть! – отвечает продавец.

И покупатель соглашается. Деньги – на стол. Дом – его. И уезжает довольный.

Старые дома разрушаются. Крыши падают, стены оседают, окна выбивают – то ли ветер, то ли люди. А в брошенных садах жители собирают сливу и черноплодную рябину. Ягода – крупная, сладкая. Вёдрами носят, на всех хватит.

Чтобы не скучно было, включили музыку. Радиоприемник, с хрипом. Соседки – тётки бойкие – собирают ягоду, пританцовывают. Руки – в чернильных пятнах, губы – синие, а сами – смеются. То ли ягоду рвут, то ли танцуют.

Мужики на них смотрят, головой качают:

– Вот чертовки придумали. Раньше вишню рвали, а теперь – черноплодку с плясками. Ну неугомонные.

Но и сами, глядя на них, улыбаются.

На краю деревни сад большой, раньше там вишню рвали. В мае цвело белым, в июле – наливалось красным. И вся деревня ходила с вёдрами, с корзинками. Варенье варили, вино делали, компоты закатывали. А лет тридцать как перестала она в тех местах родиться. То ли климат изменился, то ли болезни, то ли просто устала. Ягод который год нет. Только стволы старые, чёрные, стоят. И соловьи заливаются.

Так что селяне на черноплодку перешли. Она – живучая, неприхотливая. Растёт везде. Ягода – тёмная, терпкая, полезная. Вёдрами носят.

Анатолий Иванович стоял на крыльце своего дома и смотрел на эту вакханалию. Никитка сидел рядом, грыз черноплодку, которая была уже не кислая, а сладкая, и тоже смотрел.

– Деда, – сказал он, – а зачем они всё это делают? Дома продают, покупают, сетку ставят, черноплодку рвут. Беготня какая-то.

Анатолий Иванович помолчал, закурил.

– А затем, Никита, – сказал он, – что, когда бензин с заправок пропадает, люди ищут, за что бы ухватиться. За дом, за участок, за черноплодку, за музыку. И ухватившись, начинают двигаться. Танцевать. Покупать. Продавать. А это – и есть жизнь. Пусть дурацкая, пусть суетливая, но – жизнь. Потому что в тишине – страшно. А в этой беготне – вроде и есть чем заняться.

Он выдохнул дым.

– И черноплодка – лучше, чем пустой сад. И музыка – лучше, чем тишина. И дом с дырявой крышей – лучше, чем ничего. Потому что, когда есть дом, есть надежда. И когда есть ягода, есть варенье. И когда есть соседи, есть с кем плясать.

Он улыбнулся.

– А вишня, может, и вернётся. Когда-нибудь. Но пока есть черноплодка – мы не пропадём.

К вечеру суета стихла. Покупатели уехали, продавцы – разошлись по домам. На улицах стало тихо. Только из сада, где рвали черноплодку, всё ещё доносилась музыка – приглушённая, с хрипами. И слышен смех.

Анатолий Иванович закрыл калитку, поднялся на крыльцо, взял кружку с чаем.

– Хороший день, – сказал он Никитке. – Урожайный.

Никитка кивнул. Он держал в руке ветку черноплодки, смотрел на неё, потом на закат, который уже начинал золотить верхушки сосен.

– Деда, – спросил он. – А мы купим дом?

Иваныч засмеялся.

– А у нас и свой дом неплох.

Они помолчали. Потом Иваныч встал, потянулся и пошёл в дом.

– Завтра, – сказал он на пороге, – завтра черноплодку закрывать будем. Компот варить. Банки искать. Знаешь, где у нашей бабушки банки?

– Знаю, – ответил Никитка.

– Ну вот, – сказал Иваныч. – Значит, завтра опять будет день. И будет работа. И будет ягода. И будет музыка.

И зашёл в дом. А Никитка сидел на крыльце, слушал, как поют соседи, и улыбался.

Как два следователя книги писали

О том, зачем люди начинают писать книги, и что из этого выходит.

Жил-был в той деревне следователь. Раньше он в городе жил, а на старости лет в деревню перебрался. Городок – не то, чтобы глухой, но такой, где все друг про друга знают: кто когда в поликлинику ходил, а кто вышел в отставку – и про то ведомо. Первым вышел в отставку Егор Петрович, начальник следственного отдела N*** района. Сам важный, степенный, голос низкий, на совещаниях любил длинные паузы делать – чтоб на подчинённых страху нагонять. А через полгода написал рапорт и его коллега – Семён Степаныч, вышло его время, да и молодые по следам шли, так что он не стал спорить. Он человек вообще тихий, речь негромкая, зато в глазах – дотошность, да такая, что преступники сами признавались, лишь бы отвязался со своими «позвольте уточнить».

Оба следователя бок о бок дела распутывали – почти сорок лет трудового стажа. Егор Петрович действовал махом, с расстановкой, обозревая картину полностью. Семён Степаныч собирал сведения по пылинкам, по окуркам, по обрывкам чужих разговоров. Друг друга уважали, но по-разному: один – снисходительно, второй – с внутренней усмешкой, которую посторонним не показывал.

И вот вышли оба на пенсию. В один год почти. Сидят дома. Один на грядках копается, второй телевизор смотрит и вздыхает. и дела старые вспоминают. сколько лет прошло, а картины из памяти не уходят. Лежат воспоминания, ждут. когда до них руки дойдут. И стали пенсионеры потихоньку – сначала не всерьёз, а так, от скуки – писать записки. По материалам прошлых дней. И не то, чтобы записки, а даже и детективы

Егор Петрович про себя пишет. Про следователя большого масштаба, вдумчивого, который преступника одной фразой на чистую воду выводит. Всё у того следователя гладко идёт: улики – как на параде, подозреваемый показания пишет, начальство хвалит. А в свободное время майор стихи пишет и цветы разводит. Красивый вышел образ. Только на настоящего правоохранителя мало похожий.

А Семён Степаныч про другого пишет. Про такого, который всё время сомневается, лезет не в свои дела, задаёт глупые вопросы и спит плохо. У того следователя всё шиворот-навыворот: улики спорные, свидетели врут, а он под утро садится на кухне, пьёт холодный чай и думает: «А может, не виновен?» И так ему жалко этого вымышленного коллегу, что иной раз заплакать хочется.

Пишут потихоньку. Никому не показывают. Но в городке уже пошел слух, шепчутся: видали, мол, старики-то наши за книгу засели. Один про одного пишет, другой – про другого.

Так и живут. Помаленьку. Со своими папками, с ноутбуками, с привычкой до всего докапываться. искать виноватого и находить не того, кого надо. А может, того. Кто теперь разберёт.

И вот встречаются они как-то в городском парке, а может и в ресторане на чьем-то юбилее. Ресторан в городке один, и люди все знакомые, хочешь не хочешь пересечешься. Осень уже, лист шуршит под ногами, скамейки сырые. Сидят, дышат воздухом. Егор Петрович – в хорошем пальто, при галстукe, даже на пенсии себя соблюдает. Семён Степаныч – в старой куртке, в кепке, нос красный от ветра.

Поговорили о том, о сём: давлении, внуках, цене на картошку, вроде и невыгодно ее сажать, а все равно надо. А потом Егор Петрович хитро так прищурился, полез в портфель – портфель у него кожаный, ещё с времен службы остался – и достаёт книжку. Тонкую такую, в мягкой обложке. На обложке – река, лес, и фигура в плаще стоит, на закат смотрит.

– Это тебе, Семён Степаныч, – говорит. – С душой писал. Читай.

И хлоп его книжкой по ладони. С таким весёлым, довольным лицом, будто он ему не книгу, а орден вручил.

Семён Степаныч взял, полистал. Название звонкое, вроде «Дело принципа» или «Следствие ведёт мастер». Глянул на титул – автор: Е. П. Крутов. Это Егор-то Петрович фамилию свою в красивую превратил – Крутов. Круто, одним словом.

И стал дальше листать. А там – про него. Про Семёна Степаныча. Всё прописано печатным шрифтом, чёрным по белому. Даже фамилия не изменена, разве только внешность чуть приукрашена, а так – вылитый он. Его дотошность, его привычка задавать дурацкие вопросы, его бессонные ночи на кухне, даже чай холодный – всё на месте. Только в книжке этот следователь оказался не главный, а так – на подхвате. Вроде и умный, и старательный, а без главного майора – ноль. Тот его поучает, спасает, майор в финале и раскрывает преступление одной красивой фразой.

– Это ты про меня, что ли? – спрашивает Семён Степаныч. Голос ровный, а внутри уже закипает.

– Ну, – говорит Егор Петрович, разводя руками. – Художественное обобщение. Ты – прототип. Это же слава, Семён Степаныч! Вон, и фамилию твою не спрятал, весь город тебя узнает. Гордиться надо.

Семён Степаныч промолчал. Сунул книжку в карман куртки – не лезет, пришлось свернуть в трубку. Егор Петрович поморщился, но ничего не сказал.

– Ну, я побегал, – говорит. – У меня презентация в библиотеке. Приходи, если хочешь. Автограф поставлю.

И ушёл. Шарф развевается, из-под подметок – пыль. Важный.

А Семён Степаныч остался сидеть на скамейке. Смотрит на листья, на ворону, которая хлебную корку таскает, и чувствует: досада его берёт, а может и зависть. Прямо за грудки хватает. Не то, чтобы он раньше не завидовал – всякое бывало. Но чтоб так, до злости на себя самого? Впервые.

Думает: "Как же так? Столько лет рядом проработали, я ему – что? Друг? Подчинённый? А он взял и про меня книжку написал. И даже не спросил. И выставил меня – как дурачка, который без майора ни шагу. А все читают, кивают, говорят: «Узнаётся, узнаётся...» И ведь не возразишь – он же мне её подарил. С душой, видите ли."

И тут его осенило. Или, может, обида выстелила дорожку. Решил он и свою книжку писать. Тоже по материалам прошлых дней. Только про другого. Про начальника, который красиво говорит, а дела чужими руками делает. Про начальника, который в решающий момент «координирует» – то есть сидит в кабинете и чай с лимоном пьёт. Про начальника, который звёзды с неба не хватает, в небо смотрит. Даром, что под ним всё рушится, а он не замечает, потому что занят важными делами.

Сел вечером за стол Семён Степаныч, достал старую папку с делами. Открыл ноутбук. И поехал.

Только теперь у него всё получалось как-то иначе. Не как у Егора Петровича – гладко, красиво, с презентациями. А коряво, с ругательствами, с повторами, с ночными посиделками на той же кухне. Он писал – и сердился. Негодовал на бумагу, на ручку, на себя старого. А больше всего – на то, что так долго молчал.

И чем дальше, тем ясней понимал: это уже не детектив. Это так... затягивает, вроде как исповедь. Кому как. А может, просто правда. Которая сорок лет в папках лежала и ждала, пока он возьмёт ручку.

И Семён Степаныч строчит повесть. По-настоящему пишет – не от скуки, не от зависти уже, а от какой-то новой, непонятной ему самому надобности.

Писал он, как раньше работал. Аккуратно. Обстоятельно. Сначала – план. Потом – свидетели, по одному. Потом – улики, каждую перепроверить. Ничего не бросал, не торопился, помнил, что одна мелочь всё дело перевернуть может. Когда раньше в протоколе ошибку ста-

вил – переписывал заново, чистовой вариант. И так же с книжкой: двадцать страниц набросал – перечитал, не нравится – переписал. Тридцать – переписал. Сорок – стер и начал сначала.

И, наконец, дописал. Всё подробно: как они дела вели, как Егор Петрович на совещаниях красиво говорил, а остальное ложилось на Семёна Степаныча – допросы, выезды, ночные бдения с чаем и сигаретами. Как один раз чуть не простыл насквозь, пока понятых искал, а Егор Петрович в машине сидел, грелся. Как другой раз преступник признался, но не от того, что испугался, а от того, что Семён Степаныч его выслушал. Первый раз в жизни выслушал. Почеловечески.

Вышла книжка. Тоже тоненькая, в мягком переплете. На обложке – река, лес, и две фигуры – один малец с рюкзаком, а второй при оружии. Стоят и на закат смотрят.

Только название не звонкое, а так – просто: «Из жизни следователя». И автор – С. С. Правдин. Фамилию тоже изменил, но не на крутую, а скорее на совестливую.

Решился. Принёс Егору Петровичу. Тот сидел в своём кабинете – домашний кабинет, с книжными полками, с портретом классика какого-то на стене – важно так, с достоинством. Принял книжку, полистал. Читал долго. Молчал.

Семён Степаныч сидел напротив, шапку в руках мял. Ждал.

Наконец Егор Петрович поднял голову. Лицо задумчивое, даже, может, чуть обиженное – но он держался, начальник всё-таки.

– Что тебе сказать, Семён Степаныч... – начал он, откладывая книжку на стол. – Писал ты старательно. Это видно. Как в работе – дотошно, аккуратно. Ничего не пропустил.

Пауза. Долгая, начальственная.

– Но вот что я тебе скажу, как старший товарищ. Что-то у тебя... – он подбирал слово, – всё про преступника. Ты его, понимаешь, выписал – с душой, с болью, с этими его слезами и сомнениями. Читаешь – и жалко его. Понимаешь? А про сыщика – неважно образ раскрыл. Получился он у тебя... ну, как инструмент. Вроде и нужный, и без него нельзя, а не главный. Несущественный. Ни характера тебе, ни страсти, ни изюминки. Так себе сыщик. А ведь это ты, Семён Степаныч, про себя писал. Себя-то за что не любишь?

И замолчал. Смотрит выжидательно: что тот скажет?

А Семёну Степанычу – как ножом по сердцу. Потому что правда. Он и сам чувствовал, когда писал, что что-то не так. Что главное ускользает, прячется, не даётся. И теперь понял – чего.

Ведь сыщик-то – это он сам и есть. Старался, а себя выставил – шестерёнкой в чужой машине. Потому что привык. Привык, что он подчинённый, что его дело – работать, а лавры – начальству. Привык, что в протоколах он не лицо, а подпись внизу. И в книжку эту привычку перенёс. Написал про себя – как про чужого.

И вот тут ему пришлось нелегко. Потому что лезть в свою душу – это вам не протокол составлять. Это страшно. Неудобно. Волнительно.

Сел он снова за ноутбук. Создал новый файл. Долго сидел, думал. Потом написал одно слово: «Я». И замер. Дальше – ни буквы.

А потом пошло. Не по плану, не по пунктам, а как-то само – кусками, обрывками, воспоминаниями. Как он в первый раз на труп приехал – и его вырвало за углом сарая. Как он потом три ночи не спал – всё лицо того парня видел. И второго, который нож удержал. Как тот второй плакал – друга убил, по пьяному делу и вроде бы ни за что. Как Семён Степаныч каждое дело дома обдумывал, и жена уже боялась спрашивать, что там на работе.

Писал – и руки дрожали. Перечёркивал, писал заново. Местами смешно выходило – он ведь человек не без чувства юмора, просто раньше не показывал. А местами – такая тоска накатывала, что он вставал, подходил к окну, смотрел на фонарь и курил, курил, курил...

И выписал он того сыщика – настоящего. Не героя, не майора с коронной фразой, а живого человека. Который боится, ошибается, сомневается, но идёт. Потому что, если он не

пойдёт – некому. Который каждую ночь перед сном перебирает дела – не забыл ли чего, не пропустил ли. Который помнит всех преступников по именам и всех потерпевших – тоже. Который свою работу не любит, но и бросить не может. Потому что это не работа уже. Это жизнь.

И когда перечитал – сам удивился. Вроде про него написано, а читает как про чужого. И даже понравилось. В первый раз в жизни понравилось своё. Хотя коряво, хотя без красивых фраз, без презентаций, но по-настоящему.

Издal он и эту, вторую книжку. На свои деньги, хотя, понятное дело, пенсия небольшая. Но издал. Тоже в мягкой обложке, только потолще вышла. Название дал простое – «Свидетель». Как если бы он был свидетелем. Чужих судеб, чужих бед, чужих грехов. А теперь вот – своей собственной жизни.

Поставил на полку. Рядом с Егор Петровичевой. Стоят три книжки – одна красивая, вторая – живая, а эта третья. И смотрит на них Семён Степаныч, и думает: "Вот и всё. Теперь и я писатель. Кто бы мог подумать".

И усмехается в усы. И не горько, а так – по-своему, по-следовательно. Будто только что раскрыл сложное дело в своей жизни. По совести. А правда, как известно, всего дороже.

Вот он свою книжку и вручил Егору Петровичу. Тот взял, по обложке погладил – уважительно так, с чувством – и говорит:

– Спасибо, Семён Степаныч. Спасибо, дорогой. Вечером сяду, прочту. Обязательно. С карандашиком. Пометки сделаю.

А сам улыбается. Хитро. Глаза щурятся, в усах усмешка прячется – не поймёшь, что она означает. Семён Степаныч эту улыбку знает. Это улыбка «у меня для тебя сюрприз».

И точно. Егор Петрович отодвигает книжку в сторону, лезет в стол – стол у него дубовый, тяжёлый, ещё со времён деда – и достаёт книжку. Потолще первой. И на обложке – не лес с рекой, а город, ночь, фонари, и человек в плаще, только теперь этот человек спиной стоит, лицо в тень спрятал.

– А я, Семён Степаныч, – говорит Егор Петрович негромко, с достоинством, – тоже вторую написал. И знаешь что? Там и про тебя есть. Есть, есть, не удивляйся. Ты такой материал благодарный, про тебя можно писать и писать. Только я тебе имя в этот раз другое дал. Ты не обижайся, это для художественности. Чтобы читатель не догадался сразу, а потом – бац! – и понял. Интрига, понимаешь?

Протягивает книжку. И смотрит. Ждёт.

Семён Степаныч берёт. Молча. Дома сел читать.

И читает. И по мере того, как читает, берёт его досада. Сначала маленькая, как заноза, – чуть кольнула и отпустила. Потом больше. Потом такая, что книжку хочется закрыть и в стену запустить, но рука не поднимается – жалко, всё-таки труд чужой.

А там, в книжке, всё как было. Дело, которое он, Семён Степаныч, раскрыл. Сколько ночей передумал, сколько допросов провел. И преступники – его, до последнего держались. а он расколол. И повороты сюжета – не придуманные, а вследствие найденных им улик. Даже холодный чай на кухне – его, опять же. А имя – чужое. И фамилия чужая. И внешность – чужая. И характер – чужой, какой-то лихой, весёлый и придурковатый, с шутками-прибаутками. Такой, который на месте преступления анекдот может рассказать и тут же убийцу вычислить.

А самого Семёна Степаныча – нет. Как не бывало. Вместо него – выдумка. Красивая, яркая, ловкая. И преступники красивому сыщику сдаются с удовольствием, сами руки за спину закладывают без всяких анручников.

Читал Семён Степаныч, читал, потом закрыл книжку, положил на стол, посмотрел в окно. Фонарь горит, снег пошёл, мелкий такой, противный. И думает старый следователь: "Как же так? Я – нутро, я – жилы, я – пот и кровь, а на бумаге – другой. И всем хорошо. И читатели

довольны, и Егор Петрович в славе ходит, уже третью книгу, говорит, успел написать. Три! А у меня – две. И те... неправильные какие-то, неглавные."

Крякнул он тогда. Громко так, по-стариковски. Встал, налил чаю, холодного – не стал греть, привычка. И сел снова за стол. Открыл ноутбук.

Сейчас вот как раз пишет. Сидит, вздыхает. Не спешит. В подробностях, которые только он один знает. Таких подробностей, что ни в каком протоколе не запишешь. Как преступник плакал – по-настоящему, не для протокола. Как свидетельница молчала, а потом сказала: «Вы первый, кто меня спросил, жива ли я. А не просто – что видела». Как он сам в туалете мылся после того, как пальцы мёртвого трогал – не потому, что брезгливый, а потому что смерть липкая, отмыть надо.

Пишет. И не знает, что с этим делать. И как с этим жить. Потому что, если правду написать – кому она нужна? Все хотят красивого сыщика, с шутками-прибаутками. А он – какой есть. Старый, усталый, в кепке, с хроническим бронхитом. Который дела раскрывает не талантом, а терпением. Как плугом землю пашет – полоса за полосой, год за годом.

И обидно ему. Да. Не то чтобы очень, не до слёз, но обидно. Потому что Егор Петрович книжки свои библиотеке презентует, на столах у них лежат, в витрине, на виду. И все хвалят. И про Семёна Степаныча, может, кто и вспомнил бы, но имя-то у сыщика чужое.

А по слухам – начальник уже четвертую книгу задумал и еще две в плане. Шесть! И в каждой – Семён Степаныч есть. Только в разных образах. Где – помощник, где – коллега непонятливый, которого наставлять приходится, где – и вовсе подозреваемый в служебном проступке раз. А один раз – даже какой-то придурковатый, который своими действиями всем мешал. И во всех – смешной, нелепый, чуть глуповатый. Узнаваемый, если в следствии кто работал. Но если не знать – так, деревенский типаж.

"Ну не обидно ли?" – думает Семён Степаныч, отодвигая ноутбук.

И отвечает себе сам. Потому что больше никому.

– Обидно, – говорит он в пустоту. Громко так, чтобы самому слышно было. – Обидно, Семён Степаныч. Начальник твой – писатель. А ты – кто? Ты – правда. А правда, что? Некрасивая и неудобная. И жить с ней тяжело.

Замолчал. Посидел. Вздохнул. И досада у него, и обида, и несправедливость, которая вроде не кричит, а тихо, вьедливо сидит внутри и не даёт покоя.

– Но писать-то всё равно надо, – сказал он себе тише. – Потому что, если не я – кто? Тот неумеха, что сел на мое место? Или тот красивый сыщик, который анекдоты травит? Не, не напишут они. И Егору Петровичу некогда. Он презентации проводит. А у меня есть время. У меня, кроме этой правды, ничего и нет. Ну и вот.

И снова взялся за ноутбук. Стал писать дальше. Про самое главное. Про то, как однажды он не раскрыл дело. Как преступник ушёл. Как потом этот преступник ещё двоих убил. И как Семён Степаныч эти два трупа каждую ночь видит, хотя прошло уже двадцать лет.

Про такое Егор Петрович не пишет. А он напишет. Потому что, может, именно это – и есть то самое, ради чего затевался весь сыр-бор с книжками. Не слава. Не обида. А просто – рассказать. Хоть кому-нибудь. Как есть. Без прикрас. Без красивого сыщика.

Напишет. И посмотрим. А пока – пишет. Сидит зимними вечерами, по клавишам тюкает. И не знает ещё, что Егор Петрович уже седьмую заканчивает. Но это ладно. Это не главное. Главное – не бросить. Как тогда, в деле. Сидеть до утра, пока не прояснится. И не жалеть себя. Потому что если не ты – то никто. До весны время есть. А весной придется снова картошку сажать. Потому что, хоть и невыгодно, а все равно надо.

Источник и молния

Еще одно доказательство того, что природа – неисчерпаемый кладезь мудрости, который всяк трактует на свой лад.

Утром Садок Иванович встал с больной головой. Он достал из холодильника пузырек, остро пахнувший лекарством, и щедро плеснул в рюмку элеутерококка. Выпущенный в организм заряд бодрости расплескался по желудку, давая организму возможность продержаться до обеда.

А еще через полчаса его решимость окрепла, и он точно знал, что будет делать сегодня.

С той же решимостью много лет назад его бабка, выглянув в окно, увидела продотряд, приехавший раскулачивать деревню. Похожее уже происходило в соседнем селе. Помня опыт соседей, жители деревне ожидали карательной экспедиции. Они знали, что их отправят в голодную степь без продуктов и теплых вещей, а жилье велют строить в чистом поле. Дети при такой жизни умирали сразу, а их у бабки было семеро.

Уж лучше бы убивали сразу.

Мужчин к тому времени извели, но у нее оставалась мужнина винтовка, и она приняла стойку, упершись ногой в стену, чтобы не сбиться с цели при отдаче.

Выпущенный ею заряд положил одного сразу, а второго – на бегу. Каратель думал спастись и уйти огородами. Со стороны узенькой улочки, ведущей к вишневым садам, по целям работали другие. Бабка вспоминала, что она тогда щедро отмерила огня.

После того как пороховой дым расплескался по деревне, односельчане выволокли узлы, давно приготовленные, погрузили их на подводы и семьями ушли в лес.

Бабка никогда не сетовала на жизнь, говорила, что перенесенные испытания закалили в ней стойкость.

...Садок Иванович приподнялся, по привычке упираясь в то место стены, которое еще хранило отпечаток бабкиного башмака, и побряхтев, встал,

В этот самый момент он глянул в окно и увидел гроззовые облака.

Что за день сегодня такой, а?

Началось в деревне утро...

Но давайте по порядку.

Вода – вот о чём стоило беспокоиться. Сейчас и через десятки лет.

В конце деревни никто не жил, но там на горе находился колодец, а пониже его – родник. О колодце напоминал остов, и проходивший по дороге с сожалением отмечал новые следы разрушения. Этому сооружению насчитывалось лет семьдесят, но в последние десять им не пользовались. Родник располагался в трех метрах от него, и вода там струилась испокон времен. Как и сотню лет назад. Возле него проходила процессия деревенских, являвшихся каждый год, чтобы исполнить акафист Богородице. Она защищала деревню от ударяющих в нее молний.

Нарядные матери приводили празднично одетых детей и велели им встать перед родником на колени, а потом вставали сами, и родник звучал радостно, а вода становилась особенно вкусной. Ее набирали для питья, и еще, обязательно – для засолки и маринадов.

Выше источника располагался и второй, где устроили мыльню для стирки белья. Когда деревенские протянули самодельный водопровод, воду качали из того дальнего источника. Две войны разметали иллюзии о человеческом братстве. В годы разрухи трубы растащили и продали на металлолом, а еще раньше украли насос, качавший общественную воду, а перед тем деревенские рассорились из-за платы за насос. Какие были деньги? Грощи! Последующие пятьдесят лет все носили воду из колодца, а потом освоили технологии и принялись бурить скважины на участках, добывая бурую, богатую железом воду. Она соответствовала сущности

людей из деревни – глубоко внутри темной, отнюдь не прекрасной, но идеально им подходящей.

Вода в колодце стала непригодна для питья, но родником пользовались постоянно. Когда встал вопрос о расчистке водных источников, никто не предложил строить новый колодец. При таком безденежье крестьяне могли рассчитывать только на свои силы, а их хватило лишь на восстановление родника.

Пассивность населения – а на субботник вышла едва ли десятая часть мужчин деревни – объяснялась финансовым провалом, в который людей загнала газификация района. Если кто и питал иллюзии, что после ста с лишним лет советской власти в дом придет газ, то они рассеялись после двух лет, последовавших за прокладкой газовой магистрали. Новое жёлтое оборудование пылилось по дворам, но деревню так и не подключили к газу. Скорые на расчет подрядчики обчистили семейные бюджеты, предоставив взамен трубы, при прокладке которых допустили немало ошибок, о чем давали знать повсеместные протечки. Приобретенные котлы и прочие агрегаты стояли в бездействии. Имея больше времени на раздумья, деревенские бы смекнули, что официальный путь не самый скорый, но властям требовалось освоить газовый фонд, и они торопились с газификацией. Деревенские были включены в общий процесс. Что-то, а деньги для них не проблема. У них нет денег, нет и проблем.

Все, что могли сделать местные жители, это выдвинуть своего человека в районные депутаты. Они вульгарно обожали своего мундепа, которого звали Кебедев. Чисто комиксовая версия, в которой тот пожимал руки мужикам, а старушек подвозил на своей машине до города.

Искушенный в политической борьбе человек указал бы им, что выдвигенцу нет до них никакого дела, но деревенские птенцы только пробовали себя в политике и еще питали иллюзии. Кандидат казался им человеком порядочным, потому что действовал в интересах *общества*, засыпав сельские рытвины шлаком. Он был мелким бизнесменом, держал автостоянку, использовал свои связи в дорожном строительстве, и шлак ему достался даром. Короче, мундеп Кебедев казался им честным и совершенно нереальным, как мыши-рокеры с Марса. В его хозяйстве начались первые перебои с водой: скважину затягивало песком, а прочистку сделали не очень удачно, так что поступление воды значительно сократилось, а ее качество ухудшилось. Зимой его скважина «схлопнулась» – так тут говорили. Имей он две скважины, обе бы «схлопнулись» – рука рока нависла над деревней и карала неотвратимо.

На субботник по расчистке родника выходили всем миром, хотя с самого начала стало ясно, что придут не все. Братья Приваловы, к примеру, находились в столице на вахте, а еще больше людей просто уклонились, ибо привыкли уклоняться всю жизнь. Так и деревня, сколько стояла на левом берегу Волги, уклонялась от молний, без которых не обходились грозы. Незадачливые дачники из города срубили на своих участках два вековых гиганта, отводивших молнии от деревни – березу и тополь, но еще оставались две липы и лиственница. К числу залуженных ветеранов относилось и сухое дерево, стоявшее у родника. На памяти поколения оно всегда оставалось сухим. В него дважды ударяла молния, поэтому его никогда не срубали. Деревенские до сих пор боялись молний и во время грозы не спали, ожидая смилоствитесь над ними непогода или нет. С Крестным ходом на Ивана Купалу больше не ходили и акафистов не пели, защиты ждать было не от кого. Иногда молния щадила деревню, иногда – нет. В случаях возгораний страховая компания уклонялась от покрытия ущерба, но жители все равно страховали недвижимость. Никакая, а все же защита.

На субботнике единодушно решили оставить сухое дерево у родника. Остальные заросли безжалостно истребили бензопилой. Рубили все подряд, насколько хватало взгляда, и остановились только, дойдя до опушки. Еще немного – и они направились бы на берег к Волге. Очистив место, они развернулись и пошли домой, грязные и мокрые после работы. Суббота в тех краях – помывочный день, и у многих топились бани.

Только через неделю вышел из отпуска тракторист, который стащил машиной бетонные пасынки столбов, основу для помоста. Требовались руки, чтобы положить пасынки туда, где им полагалось быть. Мужчины смотрели друг на друга, не решаясь начать, казалось это *чужало*. Тогда Садок Иванович и дачник Юра взялись за мебельные ремни, они и стянули с горы первый пасынок, потом и остальные последовали их примеру.

На пятачке выкошенной травы появилась первая трясогузка. Птичий зрачок сфокусировался на источнике, который принимал привычные очертания

По окончании черной работы все возвращались по домам, путь лежал мимо дома мундепа, который ковырялся у себя в огороде, копал картошку. Оба раза Кебедев на субботник не выходил, вероятно обиделся, что не получил специального приглашения. После выборов он больше не здоровался с деревенскими мужиками за руку и не подвозил бабок на своей машине, эпидемия коронавируса прищлась весьма кстати. Он мог бы работать в элитной компании с хорошей финансовой поддержкой... где куда больше возможностей для развития. Он твердо решил баллотировался на следующую ступень власти. «Куда ему баллотироваться», – пожимал плечами глава управы, но новый мундеп бескомпромиссно следовал своей линии. Вот и сейчас он пожал плечами и сказал, что копает картошку. Острое обоняние сельчан уловило аромат канализации. В воскресенье мундеп выкачивал нечистоты из септика. Он продолжал работать – суровый и непрошибаемый, как в политике, так и во всем остальном.

С таким усердием и энтузиазмом взялись деревенские работники, что их источник вполне мог бы стать образцовым в районе. У кого-то возникла фантазия его окрестить, но приглашенный батюшка отказался, обзвав их язычниками. Подоплёку и дети поняли: с открытием чудотворного источника туда устремились бы паломники, и денежный сбор с местных святынь, находившихся в ведении священника, оскудел бы.

Продолжая трудиться над помостом, люди уже представляли себе источник во всей красе. Два подростка носились по деревне на моторизованных плугах, собирая по дворам пиломатериалы. Женщины решили разбить садик над животворной струей и копали по лесам можжевельник.

Но потом пришла новость о том, что вода в источнике плохо пахнет. Не тинной, как утверждали недоброжелатели, уклонявшиеся от работы, а нечистотами.

На обследование вышли эксперты. Пройдя вверх по течению, группа миновала мыльню, откуда до сих пор брали воду домохозяйства, и вышла на бугор, называемый здесь Веретикой. Он круто сбегал в низину, которая постепенно переходила в берег Волги – бывший, в зависимости от сезона, цветущим лугом или топким болотом. Времена, когда здесь пасли колхозный скот, давно прошли. Теперь здесь останавливались рыбаки и лодочники, излазившие берега в поисках подходящих мест для пикников. К своему удивлению, деревенские обнаружили, что Веретика обнесена вешками. Новые жильцы, обосновавшиеся на берегу Волги за высоким забором, взяли в аренду общественные земли. Этих людей никто в глаза не видел, но через сельсовет узнали фамилию, на оказалась та же, что и у замглавы городской управы. Сам хозяин навещался в здешние места крайне редко, поселив в особняке невестку, которая и присматривала за его богатством. Как и два охранника с собакой.

«Они спускают нечистоты из септика в наш источник», – потом рассказывал Анатолий Иванович, вернувшись с инспекции. И еще он говорил, что Веретика никогда к ним больше не вернется, так решил новый владелец, не желавший, чтобы люди на пикниках портили ему вид с террасы.

Осталось дожидаться справедливости и бухтеть, имел ли какое отношение к поселению чужаков в водоохранной зоне мундеп Кебедев, выбранный деревней, или же это произошло помимо его. С грустными глазами вернулись селяне.

Всю дорогу за экспертами следовала трясогузка.

На автобусной остановке собирались старушки, которых больше не подвозили до города. Вера Павловна сообщил, что новый жилец срубил вяз на Веретике, а ведь это дерево на косогоре считалось защитником от молнии.

Когда срубают высокое отдельно стоящее дерево, в округе нарушается природное равновесие, которое восстанавливается только тогда, когда подрастало другое, ему на смену. Оттого в деревне поблизости от домов сажали ели, росшие всех быстрее. В то самое лето молния ударила в дом на берегу Волги. Официальное расследование склонялось к варианту с молнией, это помогало воздержаться от разбирательств. Никакого экзистенциального кризиса не произошло, страховая компания выплатила все до копейки. Владелец рассчитывал восстановить дом и начал строительство, но обстоятельства изменились, и средств ему не хватило.

Между тем, оборудование источника подошло к концу, и работники-энтузиасты решили сфотографироваться на память. Фотография вышла четкой и отражала даже то, что у этих людей содержалось внутри – всё, что не сделано в молодости и то, что заставляло их в старости кряхтеть. Снимок сделал молодой человек в строительной каске, надетой на черный шелковый платок, всего один кадр. В этих краях его ранее не встречали: носил он черную куртку и кожаные брюки, лицо имел белое, глаза по контуру были обведены черным, а зрачки... зрачки метал желтые молнии.

«...а потом пошлем наше фото в газету «Пенсионерская правда»...»

А что же малый в кожанке? Популярная и хитрая шишка всей истории?

На сей раз Перун, любопытствующий бог молний предпочел явиться в облике трясогузки.

Никитка наклонился, перекинул корпус через бетонное ограждение и глянул вниз. На источник он бежал бегом и теперь пытался дышать глубже, но и воздух не проходил, а задерживался комом где-то в груди. Под ногами у него клокотал внешней водой овраг, а со дна вставали острые колья, которые вынес ручей. Страшно, аж жуть! Он резко откинулся назад, закрыл глаза. Пальцы рук зарыл в волосы, а ладонями сжал виски. Страх ушел.

Он уже ощутил нечто похожее, когда вместо со своим другом Ваней устраивали гонки. Друг потерялся, неудачно свернув в кусты, и отправившись на его поиски, Никитка наткнулся на незнакомого мотоциклиста. В тот момент ему не удалось его как следует разглядеть, Ваня окликнул, пришлось обернуться. А когда он посмотрел обратно, мотоциклист пропал, только трава оказалась выжженной. А ведь костров тут не жгли.

Решительный стук капель заставил парнишку вскочить. Чужой! Он спрятался под лавкой.

Напрасно Анатолий Иванович отговаривали его идти на источник, Никитка и сам понимал, что дед прав, собирается гроза, а он не успеет вернуться домой. Так и случилось. Ливень припустил, едва успело огромять. Каждая мышца на теле молодого парнишки напряглась, сжалась.

Чужой! Мотоциклист вплыл на помост, как корабль, преследуемый волной. Мужчина в шелковой бандане оглядел окрестности, его кожа блистала. Со всех сторон текла вода. Он развернулся обратно.

...Глаза матери недовольно сузились и напоминали две щелочки, у них у всех в роду были узкие глаза, а нос остренький. Нос матери сморщился как это бывает, когда она становилась чем-то недовольна. «И что ты нам скажешь?»

С чувством собственного достоинства Никитка сел в сетчатое, с поддержкой для спины и головы компьютерное кресло старшей сестры Даши.

«Я видел мотоциклиста, мам. Он гонял по полю, а потом ушел к домам богатых. Только он там не живет. Мы всех жильцов там знаем».

«Ты гулял в грозу? Тебя могло убить молнией». – «Но не убило же», – поддержал внука дед.

«Ты меня понял? Не ходи к богатым. Это мое последнее слово», – произнесла мать.

«Дед, я его видел». – Никитка старался говорить без пауз, предвосхищая возможность его перебить. Мать была права, а он неправ, но он все больше вдохновлялся своей решимостью. Смело и дерзко он заявил: «Когда я вырасту, тоже куплю мотоцикл».

Новую Зеландию окидывая взором

Про Новую Зеландию и пингвинов, о которых беспокоятся жители деревни.

В деревне три писателя живут. Не считая тех, кто пишет участковому или сразу в прокуратуру. Один – философ, Садок Иванович. Косит траву и думает о вечном. Пишет медленно, по странице, да и то не каждый день, так что до конца жизни хватит. Глубоко пишет, кто читает, несколько раз перечитывает. Второй – детективщик, следователь в отставке. Пишет про преступления, про следователей, про запутанные дела. Обязательно про убийство и про наказание. Все из личного опыта. А третья – дама, про деревенскую жизнь пишет. С любовью, с подробностями: как огурцы солить, куда за грибами ходить, а куда – за черникой. Блогер тоже имеется, его сторис смотрят подписчики из города, которые тоскуют по деревне.

А уж приколистов, которые прибаутки да тосты сочиняют – так и вовсе без счёта. Каждый праздник – новый тост. Каждая свадьба – своя прибаутка. Сидят вечером на лавке, сочиняют, передают друг другу, запоминают, перевирают. И к утру уже вся деревня знает новую шутку. Кто придумал – не помнят, но шутка живёт.

Есть и бабки-частушечники. С ними за стол сядешь – столько всего наслушаешься! Про соседей, про начальство, про любовь, про разводы. Частушки у них такие, что молодые краснеют, а старые смеются в усы. Но, конечно, это не для детских ушей. Потому что там и про жизнь, и про смерть, и про всё, что между ними. И весь этот фольклор – в рифму, в такт, с притопом.

А у детей своя забота. Сочиняют стихи для конкурса, который объявила фирма новозеландского масла «Анкор». Какой-то маркетолог придумал: «Дети, напишите стихи про наше масло, и мы дадим вам призы». И дети пишут. Серьёзно, с душой. В школе на уроках литературы – вместо Пушкина и Лермонтова – сочиняют про «Анкор». Родители ругаются, но дети пишут. Призы обещают. И смартфоны, и самокаты электрические, и даже поездка в Новую Зеландию.

Что за страна такая – никто не знает. На карте показывали, но запомнилось только то, что там овцы и горы. И что очень далеко. Но всем отчего-то хочется туда попасть. Наверное, потому что это – чудо. Что-то невероятное, далёкое, недоступное. Как тот самый сом у Никитки.

Как увидишь какого мальчика на автобусной остановке – в деревне это место вроде клуба для местной молодёжи – сидит на лавке, ждет автобус и губами шевелит, смотрит в одну точку, шепчет что-то. Сразу видно: сочиняет стихи про сливочную продукцию. И выходит у них всё на один лад:

«Новую Зеландию окидывая взором

Наслаждаюсь маслом «Анкором».

Или что-нибудь еще такого рода.

Стихи – простые, но дети стараются. С рифмой, с размером, с душой. И конкуренция большая – вся Россия сочиняет. Каждый хочет смартфон. Или самокат. Или – в Новую Зеландию.

До призов дело не дошло, никто из наших в финал не вышел. Но Никитке фирма прислала письмо благодарности. Просто так, «за участие». На конверте – марка, на марке – овца, а на обороте конверта – логотип «Анкора».

Письмо торжественно вручили в школе, на линейке. А потом его бабушка Вера Павловна ходила по деревне и показывала письмо сельчанам:

– Смотрите, внуку из Новой Зеландии прислали! Там пишут, что он молодец и что стихи у него хорошие.

Сельчане смотрели, качали головами, уважительно цокали языками. Письмо бережно сложили в пластиковый файл и повесили на стену в избе-читальне, рядом с портретом классика. Чтобы все видели: и у нас есть таланты. И в Новой Зеландии про нас знают.

Это я к тому, что у нас творческие люди живут. И про Новую Зеландию слышали. Даже те, кто никогда дальше райцентра не выезжал. И стихи сочиняют про масло, и частушки поют про жизнь, и писатели пишут про убийства и вечность. Всё в одной деревне умещается. Как в том самом сундуке, где и старые фотографии, и новые смартфоны, и письмо из Новой Зеландии.

Но это, как понимаете, присказка. А сама история впереди. Она про Андрея Алексеевича Кебедева, который из депутатов в эмигранты подался, про Новую Зеландию, которая оказалась дальше, чем Таиланд, и про общественные деньги, которые совсем не общественные, когда речь заходит о путешествиях.

Жил в деревне Андрей Алексеевич Кебедев. Бизнесмен, как он себя называл. Состоятельный владелец автостоянки. Не то чтобы огромной, но жизнь хватало – и с будкой, со шлагбаумом, со сторожами и табличкой «Охраняемая». Имел он важную должность старосты деревни – народ его выбрал, потому как Кебедев громко говорил и умел на сходе держаться так, будто от него зависят все судьбы.

Сам он был большой – высокий, в теле, с широкими плечами, и лицо у него тоже было большое. Но вот черты лица подкачали, они все сбились в центр. Губы прилипли к носу, и от этого казалось, что он всё время немного хмурится. А глаза – маленькие, узкие, собрались в кучку и смотрели на мир с хитринкой, как бы говоря: «Я вижу больше, чем ты думаешь, но ничего не расскажу».

Когда Кебедев говорил, его губы едва шевелились, словно пытались спрятаться друг за друга, а глаза в кучку щурились ещё сильнее, и весь он напоминал человека, который вот-вот решит судьбу мира. Или хотя бы судьбу автостоянки. Но обычно он просто вспоминал, кто из соседей уклонялся от уплаты взносов.

– Андрей Алексеевич, – говорили ему, – вы бы хоть улыбнулись.

– А чего улыбаться без толку? – отвечал он, и его губы слегка отклеивались от носа, а глаза приоткрывались ровно настолько, чтобы показать, что они есть. – Я же серьёзный человек.

И все кивали, соглашаясь. С глазами в кучку и губами, прилипшими к носу, особенно не посмеешься.

А когда он ходил по деревне в пиджаке-кителе, сразу понятно становилось, что не простой человек. Он был не злой, не добрый, а так себе на уме. Любил покрасоваться, любил, когда его слушают, любил решать вопросы, даже если вопросы решать не умел. Но народ не привередничал, потому что кто-то же должен быть старостой.

И вот однажды Кебедев отправился в Таиланд на две недели. Вернулся – и сразу на сход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.